

▲ Цвейг беседует с Г. Робакидзе

СТЕФАН ЦВЕЙГ В РОССИИ

Часть II. Начало в № 3/2021

«Невероятно радуюсь, что Вы назвали меня “другом”: для меня, грузина, дружба – почти культ. А дружбу со Стефаном Цвейгом, который по-моцартовски одарен не только как писатель, но и как человек, каждый должен воспринимать как истинное счастье».

(из письма Г. Робакидзе С. Цвейгу, 24 октября 1928 г.)

ГАЛЕРЕЯ НОВЫХ ДРУЗЕЙ

Впервые с момента начала «толстовской недели» в нашем повествовании на передний план выступает имя грузинского писателя **Григола Робакидзе**, который все дни мероприятий, как и Цвейг, находился в числе иностранных делегатов.

Биография Робакидзе в какой-то степени уникальна, ведь он единственный литератор, кто был тесно связан с тремя разными культурами – грузинской, русской и немецкой. Предыстория его знакомства с Цвейгом особенная. В Германию Робакидзе прибыл в начале марта 1927 года. В командировку его направила Федерация грузинских пи-

сателей для подготовки немецкого издания романа «Змеиная кожа». Как ни странно, неоценимую помощь ему оказал именно Цвейг, которому Робакидзе отправил по почте на его зальцбургский адрес черновой перевод романа.

Воодушевленно поддерживая устремления грузинского автора, Стефан указал Григолу и на ряд недостатков, советуя в одном из писем: *«Не растрачивайте огромный капитал, который Вам дан, ведь будучи призванным к тому, чтобы впервые представить грузинский мир европейскому, Вы делаете это в несовершенной форме».* И Робакидзе сообщил в ответ: *«Этих слов для меня достаточно для того, чтобы запастись терпением и добиваться “совершенной формы”».*

В течение шести месяцев Робакидзе продолжал дописывать роман, и в итоге Цвейг помог с его публикацией у издателя Дидерихса¹, написав предисловие.

После посещения Москвы и Ленинграда в сентябре 1928 года, где Робакидзе впервые встретился с Цвейгом (ранее они только переписывались²), в знак благодарности старшему товарищу за его помощь он опубликовал в грузинском журнале «Мнатоби» («Светоч») статью «Дни Толстого»³, в которой главное внимание сосредоточил на фигуре Цвейга.

Выборочно из статьи Г. Робакидзе: *«Сентябрь, 13-е. Четверг. Едем в Москву... Цвейг переходит из купе в купе. В вагонах много дам из дипломатических кругов. Беседует, развлекает. В этом он неподражаем. Иногда и в наше купе заглядывает. Достает портсигар и угощает египетскими папиросами. Изредка – литературная беседа. Цвейг не любит говорить о литературе, возможно, потому, что переполнен*

¹ Robakidze Grigol. Das Schlangenhemd (Ein Roman des georgischen Volkes). Vorwort von Stefan Zweig, Eugen Diederichs Verlag, Jena: 1928.

² Подробнее о Цвейге и Робакидзе см.: Никольская Т. Триумф и трагедия Григола Робакидзе // Звезда. 2004. № 9. С. 128–137.

³ Робакидзе Г. Дни Толстого // Мнатоби. 1928. № 8–9. С. 207–215; № 10. С. 184–188.

новыми впечатлениями. Однако иногда все же возвращается к этой теме. Делится своими взглядами на писателей... Из современной русской литературы в первую очередь назвал „Серебряного голубя“. И несколько раз повторил: „Великолепно, великолепно“. Из других современных русских авторов похвалил Фадеева и Пильняка».

По возвращении в столицу в зале Большой Московской гостиницы ВОКС⁴ устроило для иностранцев очередной прием, где был заслушан доклад профессора русской литературы Токийского университета **Сёму Нобори**. Как оказалось, японский коллега прибыл в Москву только 12 сентября и лишь на следующий день в сопровождении полномочного представителя СССР в Японии Александра Антоновича Трояновского смог добраться до «Гранд-Отеля». В Москве Сёму Нобори сделал доклад «Влияние Толстого в Японии» и передал в дар Толстовскому музею последнее японское издание «Анны Карениной», перевод которой он сделал с советского издания.

***

13 сентября после обеда Цвейг осматривал Красную площадь, храмы и музеи столицы. Что же писателю запомнилось больше всего?

«...слева на узкой стороне площади поднимается пестрый пятибашенный храм Василия Блаженного. Он – ценнейшая жемчужина города, и ничто не славит его больше, чем страшная легенда об Иване Грозном, который в благодарность за высокое мастерство приказал ослепить строителя, чтобы он не смог построить второй такой храм... Еще сохранилась круглая каменная площадка, на которой рубили головы восставшим стрельцам и где лежал окровавленный труп Лжедмитрия...

▲ Храм Василия Блаженного, 1928 г.

Я наконец решил и молча, вместе с другими, тоже молчащими, спустился в ярко освещенную крипту... Укрытый по грудь, как будто спящий, Ленин покоится на красной подушке. Руки его лежат на покрывале. Глаза закрыты, эти небольшие серые, известные всем по бесчисленным фотографиям и картинам, страстные глаза, губы некогда прекрасного оратора плотно сжаты, но и в этом сне облик таит в себе силу, она – в гранитном выпуклом лбе, в собранности и спокойствии полных энергии нерусских черт»⁵.

В тот же день вместе с Робакидзе в сопровождении директора Третьяковской галереи **Алексея Викторовича Щусева** Цвейг посетил выставку художников-при-

митивистов, где больше других полотен был восхищен картинами тифлисского художника-самоучки **Нико Пиросмани**. Не сходя с места, Стефан прозвал Пиросмани «Великим Пиросом», сказав, что художник скоро станет «истинным открытием для Европы». Робакидзе свидетельствует: «Одна картина художника ему очень понравилась. Я попросил в Государственном издательстве в Тбилиси, чтобы Цвейгу послали монографию о Пиросмани. Издательство отправило последний экземпляр».

Картина Пиросмани, которая понравилась Цвейгу, – это знаменитая «Грузинка с бубном», больше известная по названию «Грузинка в лечаки». Оказывается, австрийский писатель (правда, неизвестно, за какую сумму и с чьей помощью) приобрел в Москве эту картину и потом много лет хранил ее в своем доме в Зальцбурге до эмиграции в Англию. После смерти Цвейга картина пере-

шла во владение его первой супруги, Фридерики, которая затем в 1953 году передала ее в дар Гарри Зоону, основателю Международного общества Стефана Цвейга в Австрии. В 1981 году профессор Зоон передал это произведение в библиотеку Рида Нью-Йоркского университета во Фредонии. 27 ноября 2018 года на аукционе Sotheby's в Лондоне картина, купленная Цвейгом в Москве в далеком 1928 году, ушла с молотка в частную коллекцию за 2,23 млн фунтов.

▲ Нико Пиросмани. Грузинка в лечаки

⁴ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

⁵ Цвейг С. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Библиосфера, 1996–1997 г. Т. 9. Поездка в Россию. Пер. Л. М. Миримов. С. 590–591.

В тот же день, 13 сентября, вечером у Цвейга была запланирована встреча в доме **Максима Горького**. С Горьким, как и с Робакидзе, Цвейг в Москве встречался впервые, но в отличие от грузинского коллеги переписывался с «буревестником революции» начиная с августа 1923 года. К юбилею советского друга (28 марта 1928 года) Цвейг написал речь «*Rede zu Ehren Maxim Gorkis*» («К 60-летию Максима Горького»), которую впервые опубликовала венская газета „*Neue Freie Presse*“⁶.

«Самым ценным, что я привез домой, была дружба с Максимом Горьким, с которым я впервые увиделся в Москве», – откровенно писал Цвейг в очерках о поездке в Россию.

«Вы не поверите, – рассказывал мне Горький, – какие замечательные письма и сообщения встречаются в этих очень читаемых газетах, в которые пишет сам народ. Подчас в них больше изобразительной силы, чем в произведениях иных профессионалов. Я переписываюсь со многими из этих авторов, их сообщения дали мне очень много интересного и для расширения кругозора, и для работы»⁷.

Не случайно, что на следующий день после встречи с Горьким Цвейг в своем гостиничном номере «Гранд-Отеля» написал предисловие к русскому изданию книги «Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой» и посвятил книгу именно Горькому. А в 1931 году написал и предисловие к

◀ С Максимом Горьким

▲ Сергей Эйзенштейн

«САМЫМ ЦЕННЫМ, ЧТО Я ПРИВЕЗ ДОМОЙ, БЫЛА ДРУЖБА С МАКСИМОМ ГОРЬКИМ, С КОТОРЫМ Я ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛСЯ В МОСКВЕ».

сборнику рассказов Горького, выпущенному в Insel-Verlag в Лейпциге. Вторая и последняя встреча двух друзей состоялась в январе 1930 года в Италии, на вилле Горького в Сорренто.

Запланированная встреча с режиссером **Сергеем Эйзенштейном**, назначенная на 14 сентября, была подтверждена. Стефану Цвейгу заказали автомобиль до Чистопрудного бульвара, дома № 23/1, где в одной из комнат коммунальной квартиры № 2 проживал человек, снявший в 1925 году лучший фильм всех времен и народов «Броненосец Потёмкин».

К моменту встречи Цвейг хорошо представлял себе творчество Эйзенштейна. После просмотра фильма «Октябрь» в одном из писем он убеждал режиссера сделать цикл кинолент об истории России – от формирования самодержавия до его краха.

Сергей Михайлович, в свою очередь, тоже читал произведения австрийского новеллиста, о чем писал в мемуарах: «Я очень любил его „Достоевского“ и „Ницше“, „Стендаля“ и „Диккенса“. Потом я получал от него приглашение встретиться в Вене и вместе посетить Зигмунда Фрейда. Приехать не удалось. Больше не встречались. Потеряли друга из виду»⁸.

***

Вечер 14 сентября Стефан Цвейг провел во Всероссийском союзе писателей, располагавшемся на Тверском бульваре, 25, в «Доме Герцена», где в угловой комнате второго этажа в конце марта 1812 года родился великий русский писатель. Отсюда происходит название дома.

«Редкое чувство испытал я, оказавшись между прошлым и настоящим. Всего несколько месяцев назад я посетил в Версале восьмидесятилетнюю дочь Александра Герцена⁹, мадам Монад, а сейчас сидел в ставшем государственным доме ее отца, памятники которому давно укра-

⁶ Речь Стефана Цвейга "Rede zu Ehren Maxim Gorkis" («К 60-летию Максима Горького») была впервые опубликована в венской газете „Neue Freie Presse“ 25 марта 1928 года.

⁷ Цвейг С. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Библиосфера, 1996–1997 г. Т. 9. Поездка в Россию. Пер. Л. М. Миримов. С. 592–593.

⁸ В архиве С. М. Эйзенштейна сохранились тезисы беседы с Цвейгом (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 973). Об их знакомстве см. также: Эйзенштейн С. М. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 415–422.

⁹ Старшая дочь А. И. Герцена – Наталья Александровна (1844–1936), историограф семьи и хранительница наследия отца.

шают многие площади. За столом я оказался рядом с внучкой Толстого, молодой, нежной и очаровательной, умной Софьей Есениной, вдовой большого лирического поэта Есенина, два года назад трагически ушедшего из жизни в тридцать лет...

Тут Борис Пильняк, известный романист, белокурый немец с Волги, обрусевший настолько, что ни слова не понимает на языке своих предков, рядом с ним Всеволод Иванов, „Бронепоезд“ которого одинаково пользуется успехом и как книга, и как драма, светлый сибиряк с круглым лицом эскимоса. ... вот Абрам Эфрос, чернобородый москвич-ориенталист, прекрасный знаток европейского искусства, вот Лидин¹⁰ и Кириллов, и великолепный гравер по дереву Кравченко, а возле него пока еще неизвестные писатели других регионов страны».

Среди новых знакомых писателя, с большинством из которых он встречался впервые, но ранее состоял в переписке, стоит упомянуть имя библиофила Павла Давыдовича Эттингера. Этих двух увлеченных людей объединял один интерес – коллекционирование рукописей писателей, черновики нотных тетрадей композиторов, набросков и эскизов великих художников. В журнале «Среди коллекционеров»¹¹ П. Д. Эттингер помещал хронику, знакомившую читателей с европейской антикварно-библиофильской жизнью.

Проживал он в комнате коммунальной квартиры на Новой Басманной улице. Павел Давыдович десятилетиями ходил в одной несменяемой старорежимной пелерине, пока Цвейг не прислал ему пальто. И вот наконец 15 сентября «коллеги» встретились в комнате Эттингера, о чем Цвейг в том же самом очерке, где говорил о визите к Эйзенштейну, доложил следующее:

▲ В Доме Герцена.
14 сентября 1928 года

▲ Интерьер комнаты
П. Д. Эттингера в Москве

«...Я побывал у большого ученого в квартире, не имеющей кухни и состоящей из одной комнаты и крошечного помещения рядом... И так – кабинет, столовая, общая комната и спальня – всё вместе. И когда я, невольно пораженный, посмотрел на эту тесноту, он усмехнулся успокаивающе и сказал: „Ничего, к этому

привыкаешь. Мы хоть отделены от наших соседей деревянной перегородкой”. Уже это считается счастьем – сметь дышать со своими близкими парой кубических метров „своего“ воздуха»¹².

Вечером 15 сентября, накануне отъезда в Ленинград, Цвейг успел побывать на представлении Московского Художественного академического театра в Камергерском переулке. На сцене шел спектакль по пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69». Гениальный актер Василий Иванович Качалов играл роль партизана Гражданской войны Никиты Вершинина. Цвейг, восхищаясь игрой Качалова, напишет: «Следует ли везти сову в Афины, икру – в Россию? Действительно, есть ли необходимость еще раз рассказать о том, что создал и чего достиг русский театр в тяжелейшее переходное время? ...у нас достаточно хорошо знают Станиславского, Таирова и Мейерхольда по их гастролям в Германии»¹³.

Поздним вечером в спальном вагоне курьерского поезда писатель выехал в Ленинград, где провел всего один день, но такой насыщенный на события и новые встречи, что о нем стоит рассказать отдельно.

Окончание в след. номере.

Федор Константинов,
лектор, писатель, биограф

Стефана Цвейга,
специалист по западноевропейской и
американской литературе

¹⁰ Позже С. Цвейг и Вл. Лидин встретятся в Гамбурге. См.: Лидин Вл. Стефан Цвейг // Новый мир. 1942. № 1–2. С. 234–237. См. также: Лидин Вл. Люди и встречи.

¹¹ Периодическое издание «Среди коллекционеров» выходило с 1921 по 1924 г. под руководством искусствоведа и собирателя Ивана Ивановича Лазаревского (1888–1948).

¹² Цвейг С. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Библиосфера, 1996–1997 г. Т. 9. Поездка в Россию. Пер. Л. М. Миримов. С. 591.

¹³ Там же. С. 287.